

II.

Антикритика Толстого.

Вторую главу или второй параграфъ своего послѣдняго сочиненія Толстой посвящаетъ критическому разбору „суждений о непротивленіи злу насиліемъ людей (*надъ* людьми?) вѣрующихъ и невѣрующихъ“, т. е., антикритикѣ. Но предварительно онъ въ нѣсколькихъ словахъ высказываетъ свое сѣтованіе на судьбу своей книги:—„Въ чемъ моя вѣра?“—„Книга, по выходѣ ея, какъ я и ожидалъ,—говорить Толстой ¹⁾),—была запрещена и по закону *должна была быть сожжена*“.—Что-же такъ и сожгли ее?—Нѣтъ.—А много ли она потеряла отъ того, что ее запретили?—Ничего. Она „распространилась, говоритъ Толстой ²⁾), въ большомъ количествѣ списковъ и литографныхъ оттисковъ, и въ переводахъ, напечатанныхъ за границей“.

Въ лучшемъ положеніи, по мнѣнію Толстого, находятся его противники. „Очень скоро, говоритъ онъ ³⁾),—на книгу появились критики, не только духовныя, но и свѣтскія, которыя правительство не только допускало, но и поощряло, такъ что даже опроверженіе книги, которая считалась (къмъ?) никому неизвѣстной, назначено было темой богословскихъ сочиненій въ академіяхъ“. Но едва ли критики Толстого находились въ болѣе счастливомъ положеніи, чѣмъ и самъ Толстой. Что правительство поощряло критиковъ,—это—ложь, къ которой обращается Толстой лишь для того, чтобы подкупить читателя своимъ положеніемъ угнетаемаго и преслѣдуемаго. Далѣе,—если по цензурнымъ условіямъ запрещена была самая книга Толстаго, то тѣ же самыя условія стѣсняли и критиковъ подлинными словами Толстого приводить его мнѣнія; они вынуждаемы были смягчать и облагораживать ихъ, улучшать, такъ сказать, положеніе самаго Толстаго,—а чрезъ это, понятно, блѣднѣли и теряли силу ихъ собственныя работы. Но эти работы обыкновенно, по тѣмъ же самымъ причинамъ, прежде чѣмъ поступали въ печать, подвергались еще сокращеніямъ и *слажи-*

1) Ч. I, стр. 45.

2) Тамъ-же.

3) Тамъ-же.